

Чехов Игорь Валерьевич

ИЗМЕНЕНИЕ ПРИКЛАДНОГО ЗНАЧЕНИЯ АТЛЕТИЧЕСКИХ ПРАКТИК В ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОЙ ВОИНСКОЙ ТРАДИЦИИ (VIII-III ВВ. ДО Н.Э.)

В статье рассматривается связь между феноменом древнегреческого атлетизма и древнегреческой воинской традицией. Работа тем более актуальна, что именно античность определила дальнейший ход развития военной стратегии, вплоть до наших дней. И та же античность "изобрела" спорт в том понимании, которое мы используем сейчас. Следствием двух этих обстоятельств стало рождение своеобразного способа ведения войны, присущего полисным государствам и беспрецедентно тесно связавшего атлетические практики с военным делом. Проследить совместные истоки этих двух феноменов и увидеть причину их последующего расхождения и является целью данной работы.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2016/4-2/53.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 4(66): в 2-х ч. Ч. 2. С. 208-212. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2016/4-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hlist@gramota.net

УДК 94

Исторические науки и археология

В статье рассматривается связь между феноменом древнегреческого атлетизма и древнегреческой воинской традицией. Работа тем более актуальна, что именно античность определила дальнейший ход развития военной стратегии, вплоть до наших дней. И та же античность «изобрела» спорт в том понимании, которое мы используем сейчас. Следствием двух этих обстоятельств стало рождение своеобразного способа ведения войны, присущего полисным государствам и беспрецедентно тесно связавшего атлетические практики с военным делом. Проследить совместные истоки этих двух феноменов и увидеть причину их последующего расхождения и является целью данной работы.

Ключевые слова и фразы: атлетизм; военное дело; античность; фаланга; гопплиты.

Чехов Игорь Валерьевич

*Национальный исследовательский Новосибирский государственный университет
ingvar_cheh@mail.ru*

**ИЗМЕНЕНИЕ ПРИКЛАДНОГО ЗНАЧЕНИЯ АТЛЕТИЧЕСКИХ ПРАКТИК
В ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОЙ ВОИНСКОЙ ТРАДИЦИИ (VIII-III ВВ. ДО Н.Э.)**

Атлетическая культура являлась одной из социально-общественных основ и, возможно, главной особенностью древнегреческого полиса¹. При этом изучение взаимосвязи атлетики и воинской традиции древних греков остаётся одним из наиболее актуальных направлений исторического исследования. Это обусловлено, помимо прочего, тем, что военное дело западных цивилизаций, вплоть до сегодняшнего дня, берёт своё начало именно с греческой фаланги [13, р. 138-139].

Целью данной статьи является разрешение проблемы, которая хронологически начинает оформляться ещё в архаический период – от описания Гомером состязаний, устроенных Ахиллом в честь похорон Патрокла. На них лучшие воины ахейян доказывали, что они также являются и лучшими атлетами (Hom. Iliada XXIII). Окончательно же обозначает проблему выполненное Плутархом жизнеописание «последнего грека» полководца Филопемена, который крайне отрицательно относился к атлетике и воспрещал своим воинам практиковать её (Plut. Philoemen 3).

К III в. до н.э., по словам Плутарха, образ жизни атлета и воина был «во всём различен» (ἀθλητικὸν στρατιωτικὸν σῶμα καὶ βίον διαφέρειν τοῖς πᾶσι), в то время как в гомеровскую эпоху образ жизни атлетов не имел особых различий с образом жизни рядовых греков. Таким образом, за пять столетий значение атлетики в эллинской воинской традиции претерпело кардинальные изменения. Её военно-прикладная функция, некогда превозносимая Солоном (Luc. Anacharsis 17, 24), уже совершенно отрицалась полководцами и мыслителями эллинистического периода. В чем кроется причина такой перемены – мы ставим своей целью выяснить в этой статье.

Говоря об источниковой базе исследования, стоит заметить, что в связи с обозначенной выше ролью, которую играл атлетизм в культуре Эллады, к вопросам, так или иначе с ним связанным, обращались многие древние авторы. В данной работе будут широко привлекаться отрывки из сочинений Гомера как основного источника по истории Греции архаического периода – хронологически отправной точки рассматриваемой проблемы. Также Пиндара – наиболее известного автора эпиникий – од, посвященных победам атлетов на соревнованиях. Большое значение имеет труд Ксенофонта «Анабасис», поскольку в нём автор передаёт собственный боевой опыт и также приводит сравнение боевых качеств эллинских воинов и варваров. Помимо этого, в тексте работы будут встречаться отсылки к сочинениям Полибия, Филострата, Лукиана, Плутарха и ряда других авторов.

Историографическая база исследования достаточно обширна, в основном ввиду хорошей изученности вопроса в зарубежной историографии. Нас интересуют как фундаментальные работы, посвященные военному делу греков, так и более узконаправленные исследования о связи атлетики и игр с войной. Среди первых, безусловно, стоит отметить четырёхтомный труд Ганса Дельбрюка «История военного искусства в рамках политической истории». В первом томе автор дал достаточно подробное описание греческой тактики, указав на преимущества и недостатки манеры ведения боя фалангой. Для нас эти замечания представляют наибольшую ценность относительно других изысканий исследователя. Работа Пьера Видаля-Наке «Черный охотник», особенно в части, посвященной афинской эфебии, также привлекается в исследовании. Нам интересны выводы об идеологической основе эфебии, основанной на культах героев. Исключительно высокую ценность представляет собой труд Т. Д. Корнелла «Война и игры». Помимо прочего, к заслугам автора стоит отнести сравнительный анализ в восприятии связи атлетики и военного дела в античности и более поздних эпохах, например викторианской Англии. Из крупных работ, посвященных непосредственно военному делу греков, выделяется монография В. Д. Хансона «Гопплиты. Боевой опыт Древней Греции». Ввиду того, что фаланга была господствующим методом ведения войны греческими полисами, исследование, всесторонне изучающее движущую силу любой фаланги – гопплитов, *a priori* представляет интерес в рамках данной работы. Труд Ф. Эдкока «Военное искусство греков, римлян и македонцев» привлекается ввиду этих же соображений.

¹ Подробнее об агонизме древнегреческого мировоззрения см.: [3, с. 82; 4, с. 116; 8, с. 87].

Применительно к статьям, наибольшую ценность представляют работы Д. М. Притчарда «Спорт, война и демократия в классических Афинах», В. Силяк «Синкретизм агона, атлетизма и войны в Античной Греции», Д. П. Эмануэля «Бег в доспехах, бег со щитами. К происхождения гоплитодома» и А. А. Клейменова «К вопросу об особенностях эллинского военного менталитета классического периода».

В тексте статьи встречаются ссылки и на другие научные труды, так или иначе затрагивающие тематику древнегреческого атлетизма или военного дела греков.

Уже язык Эллады проводит параллель между полем боя и атлетическим ристалищем – древнегреческое слово *ἀγων* означало и «сражение», и «состяжание» [7, с. 488]. С самого своего рассвета древнегреческая литература отождествляла образ героя-воина и героя-атлета [18, р. 139]. В источниках мы неоднократно находим подтверждение тому, что в умах греков две эти сферы их жизни, война и гимнастика, были тесно связаны. Так, все из видов соревновательных дисциплин, вошедших в программу погребальных игр в честь Патрокла, о которых было сказано выше, нашли своё практическое применение на полях сражений Илиады¹. Этот факт подкрепляет утверждение, что в архаическую эпоху атлетические состязания и реальные боевые схватки были схожи друг с другом – и этим обусловлен столь живой интерес греков к физическим тренировкам.

Игры, организованные в честь похорон Патрокла, могут свидетельствовать о том, что подобное было традицией, по крайней мере среди элиты. Факт проведения погребальных спортивных состязаний в VIII в. до н.э. подтверждает и Гесиод, повествующий о погребальных играх в честь воинственного Амфидама, на которых многие были удостоены призов в его честь (Hes. WD. 654-657). Археологические свидетельства за VII в. до н.э. также говорят о факте проведения подобных состязаний, в частности в Фивах, Афинах и Дельфах, где были обнаружены несколько бронзовых предметов утвари, с соответствующими указаниями на то, что это были призы, посвященные определенному событию, в данном случае – похоронным состязаниям [15, р. 18]. Эти свидетельства подтверждают гомеровское изображение соревнований как ритуала, тесно связанного со смертью героев на поле брани.

Позднее, в текстах Пиндара, мы регулярно встречаемся с отождествлением атлетической культуры и военного дела. Например, представитель Фив на Истмийских играх Пиндар называет не иначе как «Кадмов полк» («Κάδμου στρατῶ», Pind. Isthm. 1.9-11¹), сравнивая участие в битве с участием в соревнованиях. Если же говорить в целом, в комплексе од, посвященных Пиндаром атлетам-победителям Олимпийских, Истмийских, Немейских и Пифийских игр, поэт не менее 50 раз касается военной тематики. Эти отсылки можно разделить на несколько подгрупп: упоминание сражений и войн (Pind. Olymp. 8.30-45, 9.70-80, 10.29-30; Isth. 5.45-50, 8.10-15; Nem. 1, 6.50-54, 8.25-32, 9.15-25, 1.77-80, 5.84-85, 6.30-40, 9.80-81, 11.30-38), высокая оценка воинских навыков и успехов как самого атлета (Pind. Olymp. 6.15-20; Isth. 6.7-8, Nem. 9.33-40; Pyth. 1.45-55, 1.70-75, 2.63), так и его предков (Pind. Olymp. 10.15, 13.20-22, 13.55-60, 13.80-85; Nem. 1.15-20, 2.10-15, 3.35-65, 7.9, 10.10-15; Pyth. 2.2), при этом речь может идти как о реальных родственниках, так и мифических. Отдельная группа отсылок к славной военной традиции родины атлета (Pind. Olymp. 10.15, 13.20-22, 13.55-60, 13.80-85; Nem. 1.15-20, 2.10-15, 3.35-65, 7.9, 10.10-15; Pyth. 2.2). Еще одна подгруппа безотносительно конкретных личностей увязывает саму атлетическую культуру с воинской традицией: обозначая происхождение атлетических состязаний от военных побед (Pind. Olymp. 10.55; Nem. 5.5-10), восхваляя воинские навыки атлетов как таковых (Pind. Olymp. 10.60-65; 11.15-20; Isth. 4.15; Nem. 3.35-65, 5.17-19), отождествляя воинскую доблесть и атлетическое мастерство (Pind. Olymp. 10.18-19; Isth. 1.50-53, 8.50-70; Nem. 4.20-30) либо используя военные термины при описании атлетических успехов (Pind. Isth. 1.9-11; Nem. 10.25).

В «Облаках» Аристофана мы также встречаемся с высказыванием точки зрения в поддержку связи физического воспитания и военного дела. Именно «старая школа» образования, включавшая занятия атлетикой, «вскормила мужей, которые сражались при марафоне» («ἐξ ὧν ἄνδρας Μαραθωνομάχας ἡμῖ παῖδευσίς ἔθρεψεν», Aristophanes. Cl. 986).

Очевидцем прикладной пользы атлетики на поле боя неоднократно становился Ксенофонт. В своём «Анабасисе» он, сравнивая боеспособность частей персов и греческого наёмного войска, указывает на превосходство последнего по части телесной подготовки («ἔτι δ' ἔχομεν σώματα ἰκανώτερα τούτων καὶ ψυχὴ καὶ θάλλη καὶ πόνους φέρειν: ἔχομεν δὲ καὶ ψυχὰς σὺν τοῖς θεοῖς ἀμείνονας: οἱ δὲ ἄνδρες καὶ τρατοὶ καὶ θνητοὶ μᾶλλον ἡμῶν, ἢν οἱ θεοὶ ὥσπερ τὸ πρόσθεν νίκην ἡμῖν δίδωσιν», Xenophon Anabasis 3.1.23).

О тесной связи гимнастики и военного искусства в своих сочинениях неоднократно говорит и Платон. Так, давая описание человеку, живущему при тимократическом правлении, он указывает, что такому будет близко всё военное: и гимнастика, и охота («ἀλλ' ἀπὸ ἔργων τῶν τε πολεμικῶν καὶ τῶν περὶ τὰ πολεμικά, φιλογυμναστῆς τε τίς ὧν καὶ φιλόθηρος», Plato De Republica 8.549a).

¹ Примеры практического применения атлетических навыков в бою в тексте Илиады: V.159 – 60, V.221 – 26, V.327 – 29; VIII.105 – 8, 8.112 – 24; XI.487 – 88, XI.510 – 20, 527 – 36; XVI.466 – 76; XVII.475 – 79 (управление колесницами); III.368 – 76; VI.116 – 20; 7.38 – 40, VII.273 – 75; XII.190 – 94; XIII.334 – 38, XIII.496 – 524, 13.576 – 80; XV.706 – 15; XVII.359, 602; XX.460 – 64 (рукопашный бой, борьба и борьба в доспехах один на один); X.357 – 64; XVII.189 – 90; XXI.595 – 603; XXII.21 – 24, XXII.132 – 259 (бег как форма способа движения на поле сражения); VII.268 – 73; XI.540 – 44; XII.154 – 55; XVI.733 – 40 (метание камней); IV.122 – 29; V.95 – 98; VII.266 – 315; XI.368 – 83; XIII.582 – 94; XV.443 – 78 (стрельба из лука); IV.305 – 9; V.15 – 20, V.115 – 19, 610 – 19, 655 – 65, 850 – 59; VII.10 – 14, 244 – 54; X.370 – 74; XI.355 – 59, 670 – 75; XIII.190 – 94, 255 – 59, 582 – 609; XV.572 – 80; XVI.335 – 39; XVII.572 – 74, 595 – 600, 617 – 19; XX.265 – 75, 460 – 64; XXI.590 – 94 (метание копья).

Представление о связи атлетики и военного дела пережило и классический период. В своих «Застольных беседах» Плутарх объясняет порядок описания состязаний у Гомера последовательностью действий в ходе реального боя (Plut. Moral. 639A). Филострат, говоря о Марафонской битве и сражении в Фермопильском ущелье, называет их прямыми свидетельствами того, что борьба и панкратион были придуманы для войны («πάλη δὲ καὶ παγκράτιον ὡς ἐς τὸ πρόσφορον τῷ πολέμῳ εὔρηται», Phil. Gym. 10-11).

Стоит, правда, обратить внимание на то, что эти авторы жили намного позднее событий, описанных ими. В том числе приведённое выше мнение Солона вкладывается в его уста Лукианом, жившим спустя семь столетий после афинского законодателя. Об этом говорит и Т. Д. Корнелл, проводя историческую параллель с популярностью в викторианской Англии так называемой «теории полей Итона», согласно которой атлетическая подготовка помогла английским войскам одержать победу над армией Наполеона при Ватерлоо. Суть его замечания можно свести к тому, что античные авторы, равно как и британцы викторианской эпохи, *post factum* идеализировали роль спортивной подготовки в военных успехах [11, p. 38].

И хотя в своей статье Д. М. Притчард аргументированно оспаривает заключения Т. Д. Корнелла [14, p. 71-75], скептицизм последнего разделяли уже многие античные авторы.

Еще в архаическую эпоху Гомер говорит через слова Эпея, почитавшего себя за сильнейшего кулачного бойца, что узконаправленный атлет зачастую не лучший воин («ἢ οὐχ ἄλις ὅττι μάχης ἐπίδευομαι», Hom. Iliad 23.670-675). О необходимости наличия соответствующей квалификации именно в военном деле как среди простых граждан, так равно и среди атлетов указывал и спартанский поэт Тиртей:

«Я не беру в расчет успехи человека в беге или борьбе... Никто не хорош на войне, пока он не примет участие в настоящей бойне» [Цит. по: 20, p. 25].

Позднее Еврипид в «Автолике» также указывает на бесполезность навыков атлетики в сражении, высмеивая саму мысль о том, чтобы сражаться с помощью диска или голых кулаков («πότ'ερα μαχοῦνται πολέμιον ἐν χερσὶν δίσκουσιν ἢ δι' ἀσπίδων χερὶ θείοντες ἐκβαλοῦσι πολέμιος λάτρας», Euripid. Aut. Fr. 282).

Что касается полководцев, а именно они, безусловно, могут выступать экспертами в данном вопросе, – мы не встречаем единого мнения. Так, спартанский царь Агесилай и фиванский полководец Эпаминонд придерживались различных точек зрения на прикладную значимость атлетической подготовки в военном деле. По сообщению Ксенофонта, Агесилай отмечал высокую значимость гимнастических тренировок для воинов в зимний период (Xen. Ages. 1.25-8), в то время как Эпаминонд, следуя сочинениям Плутарха, рекомендовал гражданам заниматься именно военной подготовкой, но не атлетикой, хотя и сам был успешным атлетом (Plut. Mor. 192 c-d, 788a).

Для того чтобы лучше понять широко представленную выше неоднозначность взглядов на роль атлетики в военном деле греков, нужно, в первую очередь, изучить их основную, и практически единственную [2, с. 87-90; 10, с. 114], форму ведения войны – сражения фаланг – и также сам характер войны между полисами. Помимо собственно боевого умения воинов, сражающихся в передних рядах, сила фаланги определяется физической и психологической подготовкой всех составляющих её воинов [10, с. 115]. В том, что гимнастика укрепляет общее физическое состояние человека, сомнений нет. О положительной роли спорта в психологической подготовке воинов говорят как исследования [14, p. 71-75], так и источники. Отмечает её, например, Ксенофонт: «Все они, соревнуясь между собой, старались превзойти друг друга в доблести и таким образом захватили укрепленное место» («πάντες γὰρ οὗτοι ἀντελοιοῦντο ἀρετῆς καὶ διηγωνίζοντο πρὸς ἀλλήλους: καὶ οὕτως ἐρίζοντες αἰροῦσι τὸ χωρίον», Xen. Anab. 4.7.12).

С точки зрения воинского искусства манера ведения боя фалангой не предъявляла к каждому отдельно взятому воину, её составлявшему, высоких требований в отношении умения вести рукопашную схватку. Требовалось, впрочем, немало физической крепости и отваги [Ibidem, p. 78]. Мы имеем основания говорить, что в контексте тактики фаланга являлась довольно-таки примитивным образованием [10, с. 119-121; 11, p. 32]. И именно в силу неразвитости технологии боя атлетическая подготовка воинов играла значительную роль в успехе каждой боевой операции [19, p. 94]. Ограниченное жесткими правилами и ведущееся силами практически полностью однотипных военных формирований, сражение между фалангами исключительно напоминало собственно спортивное состязание¹, проводимое по установленным заранее правилам. В представлении древних греков каждое сражение проходило в несколько этапов, и подтверждение победы одной стороны над другой всегда сопровождалось определёнными ритуалами, которые оставались практически неизменными [5, с. 80]. Этим можно объяснить то, что в парадигме «примитивной войны» греческого сознания лучшие воины всегда представляются также и лучшими атлетами [11, p. 32].

В подтверждение этого говорит и то, что именно среди дорийских полисов, славившихся среди остальных греков своей воинственностью, мы находим наибольшее количество победителей общегреческих состязаний [19, p. 94]. И это касается не только греков – Р. Сайпс отмечает, что единоборства в том или ином виде всегда являются составной частью культуры воинственных обществ [16, p. 64-65].

Помимо опыта сражений друг с другом, убеждение о пользе атлетики в военном деле укрепили в сознании греков столкновения с персами. Что интересно, тактически бой фалангой был гораздо менее гибок и адаптивен, нежели способ ведения войны, применяемый персами. Однако, несмотря на то, что персы располагали очень мощной кавалерией, а именно этот род войск представлял собой наибольшую опасность для фаланги [2, с. 91], военный гений Мильтиада при Марафоне и Павсания при Платеях, которые умело использовали особенности

¹ Подчинение агонального характера сражения фаланг определённому кодексу правил и установлений не единожды отмечается в историографии. См.: [11, p. 32; 13, p. 6; 14, p. 71].

местности [Там же, с. 127] и высокую морально-физическую подготовку находящихся под их командованием воинов [Там же, с. 128], позволил грекам одержать победы.

Вне зависимости от того, правдиво ли утверждение Геродота о том, что греки при Марафоне преодолели 8 стадий до столкновения с персами бегом, сохраняя плотный строй (что с точки зрения физических возможностей человека представляет собой исключительно сложную задачу¹), в сознании греков битвы при Марафоне и Платеях надолго остались эталоном ведения боя [10, с. 129].

Принимая во внимание всё вышесказанное, нам становится достаточно очевидна причина, по которой спартанский царь Агесилай высоко оценивал роль атлетики. Он оценивал её исключительно в контексте сражений между фалангами, что подтверждается тем фактом, что атлетические состязания, целью которых было поддержание боеспособности воинов, он устраивал именно зимой. Ведь, помимо прочего, классически греческая манера ведения войны была ещё и сезонным явлением [1, с. 121; 10, с. 121].

Мы можем говорить о том, что именно для спартанцев, которые по некоторым источникам являлись изобретателями классической фаланги [2, с. 93] и довели мастерство использования этого формирования до недостижимых высот [10, с. 122], атлетика представлялась наиболее значимым аспектом в военной подготовке. Неслучайно именно в Спарте помимо классических гимнастических дисциплин активно развивались и командные виды спорта, неизвестные более ни одному полису Греции [11, р. 31].

Если не принимать во внимание постоянные внутренние конфликты, греки довольно-таки редко вступали в военное противостояние с другими государствами [5, с. 80], и, следовательно, у них не было возможности обнаружить для себя слабости фаланги. Но любому, кто пожелал бы оспорить спартанскую гегемонию, предстояло бы развивать именно технологию и тактику боя, которые эти слабости могли бы использовать. Поскольку пытаться противопоставить спартиатам качественно более подготовленных воинов не представлялось возможным, спартанская педагогическая система веками готовила идеальных солдат.

С именем Эпаминонда связано революционное изменение тактики боя [1, с. 92], которое со временем свело значение атлетической подготовки бойцов к минимуму, превознесло роль их военной выучки. Помимо перемены фланга, на котором концентрировались отборные силы полководца, фиванский военачальник начал активно использовать кавалерию [Там же, с. 93]. Тактика смешанного боя предвещала к воинам уже совершенно иные требования. Умение непрерывно оказывать давление по всему фронту, показывая чудеса физической стойкости, тренируемой в палестрах, уходит на второй план. Теперь полководец ожидает от солдат манёвренности, умения быстро переходить от обороны в нападение, создавать фланги там, где в начале сражения их ещё не было [10, с. 149].

Продолжателем идей Эпаминонда стал Филипп II Македонский [2, с. 325]. Принимая во внимание это обстоятельство, нам становится понятно, почему его сын, Александр Македонский, не проявлял особого интереса к атлетике («φαίνεται δὲ καὶ καθόλου πρὸς τὸ τῶν ἀθλητῶν γένος», Plut. Alex. 4.6). Хотя и оставался во многом консервативен в том, что касается военного дела [1, с. 94].

Постепенно на смену греческому ополчению на полях сражений приходят профессиональные, зачастую наёмные, армии, до того не существовавшие в греческих полисах, за исключением Спарты [20, р. 5]. В то же время атлеты-универсалы уступают арену стадионов узкоспециализированным профессионалам [9, с. 44].

Ко времени политической и полководческой карьеры Филопемена на судьбу греческих полисов уже оказывает влияние Римская республика. Сам факт того, что Филопемени приходится объяснять, почему он не занимается атлетикой, говорит в пользу того, что последняя всё ещё прочно ассоциировалась в сознании греков с военным делом. Однако талантливые полководцы уже отдают себе отчёт в том, что успех в битвах куётся в военных лагерях, а не в палестрах. В исключительном увлечении атлетическими практиками видят причину военных поражений древнегреческих армий и римские авторы [11, р. 30]. При этом стоит отметить, что римские полководцы отводили гимнастике определённую роль в подготовке воинов [6, с. 77].

В заключение можно сказать, что до тех пор, пока война между полисами представляла собой своего рода спортивное состязание между представителями обеспеченного «среднего класса» [14, р. 81], атлетика имела большое значение в военной подготовке гоплитов. Действительно, сама манера ведения боя, отвечавшая главной цели полисной войны – обретению славы², устанавливала ряд «правил», при условии соблюдения которых атлетическая подготовка воинов становилась важнейшим фактором. Как только мы встречаемся с Пелопонесской войной, у которой были ярко выраженные политические цели, она предстает перед нами с другой стороны – войной «без правил» [5, с. 79]. Что примечательно, именно в сражениях этой войны фаланги реже всего встречаются друг с другом в открытом поле, уступая место таким классическим военным операциям, как рейды по тылам противника или окружение и блокирование неприятельских отрядов.

Таким образом, значение атлетической подготовки падает параллельно с вовлечением греческих полисов в противостояния с другими государствами – Македонией, Персией и Римской республикой.

Список литературы

1. Видаль-Наке П. Черный охотник. Формы мышления и формы общества в греческом мире / пер. с фр. А. И. Иванчика; под ред. С. Г. Карпюка. М., 2001. 419 с.
2. Дельбрюк Г. Г. История военного искусства в рамках политической истории: в 4-х т. СПб., 1999. Т. 1. 1107 с.

¹ Более подробно см. [12].

² О том, что политические и территориальные выгоды и приобретения зачастую не являлись катализаторами столкновений между полисами, см.: [11, р. 32; 14, р. 90; 19, р. 91].

3. **Жестоканов С. Н.** Спорт и спортивные состязания в Древней Греции // Феномен досуга в античном мире / под ред. Э. Д. Фролова. СПб., 2013. С. 82-108.
4. **Зайцев А. И.** Культурный переворот в Древней Греции VIII-V вв. до н.э. / под ред. Л. Я. Жмудя. Изд-е 2-е, испр. и перераб. СПб., 2000. 320 с.
5. **Клейменов А. А.** К вопросу об особенностях эллинского военного менталитета классического периода // Армия и общество. М.: Наука-XXI, 2014. № 4 (41). С. 79-82.
6. **Нестеров П. А.** Античные Олимпийские игры в период упадка Олимпии как отражение древнегреческой идеологии и педагогики (IV в. н.э.): дисс. ... к.и.н. Малаховка, 2010. 176 с.
7. **Топоров В. Н.** Исследования по этимологии и семантике: в 2-х т. М., 2006. Т. 2. 544 с.
8. **Хейзинга Й.** Homo ludens. В тени завтрашнего дня / пер. с нидерл. В. В. Ошиса. М., 1992. 464 с.
9. **Шанин Ю. В.** Олимпия. История античного атлетизма. СПб., 2001. 191 с.
10. **Эджок Ф.** Военное искусство греков, римлян и македонцев. М., 2012. 256 с.
11. **Cornell T. J.** War and Games. San Marino, 2001. 331 p.
12. **Emanuel J.** Race in Armor, Race with Shields: The Origin and Devolution of the Hoplitodromos. Cambridge, 2009. 154 p.
13. **Hanson V. D.** A War Like No Other: How the Athenians and Spartans Fought the Peloponnesian War. N. Y., 2005. 397 p.
14. **Prithard D. M.** Sport, War and Democracy in Classical Athens // Sport in the Cultures of Ancient World / ed. by Z. Papa-konstantinou. N. Y., 2012. P. 64-98.
15. **Roller L. E.** Funeral Games for Historical Persons // Stadion. 1981. Vol. 7. P. 1-18.
16. **Sipes R.** War, Sports and Aggression: An Empirical Test of Two Rival Theories // American Anthropologist. 1973. Vol. 75 (1). P. 64-86.
17. **Soler M. J. G.** Euripides Critique of Athletics in Autolykus, fr. 282 N2 // Nikephoros. 2010. Vol. 23. P. 139-153.
18. **Spivey N.** The Ancient Olympics. Oxford, 2004. 304 p.
19. **Šiljak V.** Syncretism of Agon, Athleticism and War in Ancient Greece // Physical Education and Sport through the Centuries. Belgrade, 2014. P. 90-99.
20. **Vian F.** Les origines de Thèbes. Cadmos et les Spartes. Paris, 1963. 259 p.

CHANGE OF APPLIED MEANING OF ATHLETIC PRACTICES IN ANCIENT GREEK MILITARY TRADITION (THE VIII-III CENTURIES B.C.)

Chekhov Igor' Valer'evich

*National Research Novosibirsk State University
ingvar_cheh@mail.ru*

The article examines the relation between the ancient Greek athleticism phenomenon and the ancient Greek military tradition. The study is particularly relevant because it is antiquity, which determined the further development of military strategy up to now. And the same antiquity “invented” sport in the interpretation we use at present. These two circumstances resulted in the origin of a specific warfare method typical for city-states that extremely closely associated athletic practices with the military science. So, the paper aims to trace the common origins of these phenomena and to identify the reason for their subsequent divergence.

Key words and phrases: athleticism; military science; antiquity; phalanx; hoplites.

УДК 141:159.923

Философские науки

В статье рассматривается источник (экстрим) всех нестандартных, чрезвычайных проявлений общества, которые получили название экстремальных. Основной целью выступает установление понимания сущностных характеристик экстрима, поскольку, только поняв смысл причины, можно констатировать тенденции ее развития. В качестве результата можно отметить, что экстрим, являясь атрибутом человеческого и социального бытия, во многом определяет их способность к развитию и обеспечивает возможность формировать собственное самосознание без оглядки на стереотипы.

Ключевые слова и фразы: экстрим; экстремальность; экстремал; субъект экстрима; социум; социальная система.

Чудина-Шмидт Наталья Витальевна, к. филос. н.

*Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации
(филиал) в Республике Крым
Frog-79@mail.ru*

ВЛИЯНИЕ ЭКСТРЕМАЛОВ НА РАЗВИТИЕ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

События, происходящие сегодня в мире, свидетельствуют о переходном [1] (трансформационном) периоде современного общества, когда старые нормы, правила и законы уже не выполняются, а новые в силу обстоятельств еще не заявили о себе. Много уже было сказано про эту трансформацию: начиная с середины XX века и по сей день мыслители говорят о закономерности происходящих в социуме изменений.